

— О-хо-хо-хо, оказывается, дразнить юношу из благородного рода такое забавное ощущение!

Ноль-ноль-два: «...»

Этот стремящийся наложить на себя руки хозяин рано или поздно доиграется, но ничего не поделаешь — он сам создан ради Су Чи и служит Господину Главному Богу, поэтому может лишь накрепко запереть все тайны на замок, не позволяя ни себе, ни Су Чи проговориться.

Ноль-ноль-два ждал не дожждётся, когда же его бестолковый хозяин наконец всё осознает.

Оба оделись, и Мужун Е попытался снова обнять Су Чи, но тот немного поколебался и произнёс:

— Я сам пойду.

Хотю сам топать!

Мужун Е посмотрел на Су Чи, словно размышляя, с чего бы тому сегодня вести себя так странно. Су Чи тут же надул губки и заявил:

— Я хочу устроить с тобой состязание!

Кто быстрее дойдет.

Мужун Е ни капли не усомнился, сочтя, что лекарство подействовало на Су Чи иначе: от полного отсутствия реакции в самом начале до нынешних детских капризов — всё это был его любимый Су Чи.

Но юноша почти три года почти не ходил, проводя всё время в постели. Изредка Мужун Е выносил его во двор полюбоваться пейзажем, но всегда носил на руках, так что Су Чи совсем не приходилось ходить, и поэтому...

Сейчас Су Чи даже ходить толком не умел. Су Чи едва оперся о бортик бассейна, как не почувствовал ничего необычного, однако, стоило ему попытаться встать и сделать шаг, как он понял, что совершенно не чувствует собственного тела. Его качнуло в сторону, и он чуть не рухнул на землю, но Мужун Е, не сводивший с него глаз, мгновенно подхватил его на руки. Су Чи уткнулся лицом в грудь Мужун Е и сквозь слёзы всхлипнул:

— У-у-у! Я разучился ходить!

Ноль-Ноль-Два теперь и впрямь сомневался, не подействовал ли на Су Чи оставшийся эффект препарата, иначе с чего бы каждое его движение так сильно напоминало повадки маленького ребенка?

Этого просто не могло быть. Будучи Системой, он точно знал, что полностью нейтрализовал действие Беспечной пылицы. На состояние Су Чи повлияли лишь те три года, которые он пропустил при перемещении.

Юноша обиженно уткнулся ему в грудь, и Мужун Е, стоило ему лишь немного опустить голову, сразу заметил торчащий на макушке Су Чи непослушный вихор. Мужун Е тихо вздохнул, погладил Су Чи по голове и произнес:

— Послушай, А-Чи, я побуду с тобой.

Я так хочу, чтобы ты вспомнил меня, и в то же время страшусь твоего гнева.

Я боюсь, что ты снова застынешь неподвижной куклой, но страшусь и того, что, встав на ноги, ты вновь окажешься на краю гибели.

На самом деле во всем виноват он сам.

Это он не смог защитить А-Чи. Глаза Мужун Е постепенно заволакивались чернилами, словно он погрузился в тяжелые воспоминания. Он обнимал Су Чи так крепко, что это происходило само собой. Су Чи поднял голову и увидел, что Мужун Е вот-вот сорвется. Охваченный удивлением и страхом, он позвал его:

— А-Е?

К немалому удивлению Су Чи, эти слова, казалось, подействовали на Мужун Е. Стоило тому услышать голос юноши, как его взгляд вновь обрел ясность. Он опустил голову на Су Чи и произнес:

— Прости...

Посмел бы Су Чи позволить яндере извиняться перед ним! Он тут же с напускной беззаботностью выпалил:

— Меня не волнует! Теперь я не могу ходить, так что ты должен нести за меня ответственность.

Ты должен нести за меня ответственность.

Мужун Е, похоже, был невероятно поражен этими словами Су Чи. Его глаза мгновенно засияли, и он ответил:

— Не бойся, А-Чи, я никогда не уйду от Су Чи.

И ты, А-Чи, тоже не смей уходить от меня.

Вечно, во веки веков.

Су Чи подумал: «Кажется, я сказал что-то невероятное...»

Но как бы то ни было, Мужун Е наконец пришел в норму. Су Чи уже не так сильно его боялся, но понимал, что сейчас не стоит хорохориться — иначе придется ползти на четвереньках. Поэтому он послушно улегся на руке Мужун Е, позволив тому отнести себя на кровать.

Всё оказалось именно так, как Су Чи и представлял. Уложив его, Мужун Е лег рядом — очевидно, собираясь спать вместе. Су Чи поджал губы, опасаясь, как бы Мужун Е посреди ночи вдруг не потемнел рассудком и не принялся душить его за горло.

002: «...»

«Спи спокойно, хост. Главный герой скорее собственную шею свернет, чем твою. Уровень симпатии к тебе сейчас равен восьмидесяти, так что даже в состоянии помрачения он не причинит тебе реального вреда».

После таких слов 002 Су Чи тут же успокоился. В конце концов, они просто лягут на одну

кровать, и Мужун Е не станет творить с ним ничего ужасного. К тому же в комнате уже тлел успокаивающий благовонный дым, способствующий сну. Су Чи зарылся в одеяло наполовину и мгновенно заснул.

Мужун Е смотрел на спящее лицо Су Чи, и уголки его губ тронула улыбка. Боясь разбудить юношу, он не стал совершать лишних движений и просто лег рядом.

Однако среди ночи Су Чи внезапно проснулся и сел на кровати.

В комнате было слишком темно, не разглядеть ни зги — доносился лишь бред Мужун Е. Обеспокоенный его состоянием, Су Чи позвал 002:

— Малыш Эр, включи мне ночное зрение, ничего не вижу.

— Сию минуту! Система создана специально для обслуживания Су Чи, поэтому, разумеется, всё будет так, как он скажет, и он мог использовать любые предметы из её арсенала по своему усмотрению.

Наконец-то разглядев окружающую обстановку, Су Чи опустил взгляд на Мужун Е и понял, что тот, судя по всему, погрузился в кошмар. Лицо Мужун Е покраснелось, на лбу выступал пот, а сам он то и дело бормотал сквозь сон:

— А-Чи, прости.

— А-Чи, не уходи от меня.

— А-Чи...

Су Чи вздохнул. Ему было безумно жаль Мужун Е, и в то же время он горько раскаивался, гадая, чем же именно в прошлом привлек его внимание — если бы он только знал, то непременно исправился бы.

Согласно сценарию, задуманному Су Чи, Мужун Е, будучи главным героем, должен был остаться с героиней и обрести счастливый конец, как и полагается в романе. И надо же было такому случиться, чтобы тот влюбился в него — что это вообще за напасть? Мало того, что он сам был натуралом, так он еще и являлся быстросменщиком, который никак не мог остаться в этом мире навсегда.

Конечно же, стоило ему выполнить задание, как он тут же смывается.

Но сейчас об этом не могло быть и речи. Либо задание останется невыполненным, либо, после поднятия уровня симпатии, Мужун Е привяжется к нему мертвой хваткой. Иначе, учитывая нынешнюю степень потемнения и яндере-натуру Мужун Е, стоит ему снова уйти, как этот маленький мир наверняка тут же рухнет, и ему придется снова сломя голову мчаться назад, чтобы разгрести весь этот бардак. Впрочем, ладно, пусть всё идет своим чередом.

Су Чи посмотрел на Мужун Е, который всё еще пребывал во власти кошмара, и в конце концов не выдержал. Он тихо позвал его:

– А-Е.

Услышав зов Су Чи, Мужун Е, казалось, немного расслабил свои нахмуренные брови.

Поняв, что его голос действует на Мужун Е, Су Чи закусил губу и снова лег рядом, но на этот раз сократил расстояние между ними, прижавшись к Мужун Е.

Мужун Е, похоже, догадался, что рядом с ним лежит именно Су Чи, и не стал сопротивляться приближению юноши. Напротив, он сам протянул руку и заключил Су Чи в объятия. Если бы глаза Мужун Е оставались закрытыми, Су Чи почти наверняка решил бы, что тот притворяется.

Как ни странно, стоило Су Чи оказаться в объятиях Мужун Е, как тот сразу успокоился — судя по всему, кошмар наконец отступил. Вскоре Мужун Е уже крепко спал, обнимая Су Чи. Сначала Су Чи планировал подождать, пока Мужун Е погрузится в более глубокий сон, чтобы тихонько отделиться от него, но, ожидая этого момента, незаметно для себя уснул сам, мирно устроившись в объятиях Мужун Е. Лунный свет, подобно воде, струился вниз, заливая подоконник и словно целуя морозные узоры на оконной раме — зрелище на редкость пленительное.

Ранним утром следующего дня Мужун Е очнулся от сна. Еще не успев открыть глаза, он почувствовал, как чьи-то руки обнимают его за талию, а к телу прижимается что-то теплое и мягкое. Мужун Е осторожно приоткрыл глаза и действительно увидел Су Чи, лежащего в его объятиях. Значит, это был не сон — Су Чи и правда добровольно прильнул к нему.

Раньше, стоило Мужун Е попытаться обнять Су Чи во сне, как юноша тут же начинал испытывать дискомфорт и не мог уснуть. Поэтому Мужун Е привык спать на некотором расстоянии от него. И вот впервые, едва открыв глаза, он обнаружил юношу в своих объятиях.

Это мгновение было столь прекрасным, что дарило чувство абсолютного счастья.

Взгляд Мужун Е потемнел. Не в силах сдержаться, он слегка наклонил голову и запечатлел на лбу Су Чи нежный поцелуй. В этот самый миг Су Чи очнулся, разбуженный сигналом Системы о повышении уровня симпатии, открыл глаза и застал Мужун Е прямо на месте преступления — тот только что его поцеловал.

Мужун Е никак не ожидал, что юноша проснется так рано. Пойманный с поличным за тайным поцелуем, он встретился с ним взглядом, и его лицо мгновенно вспыхнуло пунцовой краской — от щек до самой шеи. Поспешно бросив короткую фразу, он позорно сбежал:

— Я... мне пора на утренний прием во дворец.

Су Чи лежал на кровати, тупо уставившись в потолок. Лишь спустя приличное время до него дошло, что его только что поцеловали. Он резко брыкнул ногами, завернулся в одеяло,

покатился по постели и мысленно взвыл:

«А-а-а-а, я осквернен! Хнык-хнык-хнык!»

Система 002 промолчала:

— ...

«Еще бы, — подумал помощник. — С таким рвением, с каким хозяин нарывается на неприятности, его рано или поздно сожрут без остатка».

Су Чи только что проснулся, и 002 понимал, что тот наверняка пропустил прошлое уведомление мимо ушей. Поэтому Система повторила:

— Динь! Поздравляем хозяина, уровень симпатии цели задания повысился на десять пунктов. Текущий уровень симпатии составляет девяносто. Поздравляем хозяина, вы близки к завершению миссии в этом мире.

Су Чи все еще пребывал в прострации. Его личико покраснелось, словно подернутое легкой дымкой вечерней зари. С подушкой на голове он озадаченно переспросил:

— Уже девяносто?

Электронный голос 002 прозвучал, как всегда, невозмутимо:— Да.

Су Чи моргнул. Неужели в первом же мире уровень симпатии зарабатывается так легко? Он практически ничего не делал, напротив — Мужун Е постоянно о нём заботился. Су Чи чувствовал, что лишь пользуется добротой Мужун Е, поэтому даже тот факт, что Мужун Е только что исподтишка поцеловал его, казался вполне простительным.

Сам Су Чи даже не заметил, как постепенно растерял все свои принципы.

Су Чи чувствовал, что его лицо горит. Уходя в спешке, Мужун Е не забыл сказать Цю Шуан, что Су Чи проснулся. Цю Шуан постучала в дверь, помогла Су Чи умыться и одеться, после чего он принялся за завтрак.

Не считая дней отдыха, Мужун Е, будучи канцлером, каждое утро ходил на утренние доклады. Су Хань собирался воспользоваться отсутствием Мужун Е, чтобы хорошенько осмотреть резиденцию канцлера: в конце концов, он не мог вечно сидеть в четырёх стенах, иначе и впрямь отупел бы от заточения.

Однако ноги Су Чи уже давно ослабли, ходить он не мог. Неожиданно Цю Шуан выкатила кресло, похожее на инвалидную коляску, в которое Су Чи мог прямо сесть, а Цю Шуан просто везла бы его.

Су Чи мысленно вздохнул: с тем же успехом Мужун Е мог просто вернуть ему способность

нормально ходить. Он ведь не мог вечно притворяться слабоумным, и даже если бы Мужун Е не дал лекарство, ему пришлось бы самому найти повод и сделать вид, что память вернулась сама собой.

Су Чи сделал вид, что хочет выйти и попускать воздушного змея. Цю Шуан сочла это ребяческой прихотью, поэтому велела принести змея. Су Чи взял его в руки: со стороны казалось, что он просто запускает игрушку, но на самом деле он воспользовался случаем, чтобы осмотреть обстановку в резиденции канцлера.

Су Чи заметил, что, куда бы Цю Шуан ни везла его, за ними повсюду следовало несколько стражников. При этом Цю Шуан явно привыкла не обращать на них внимания, а это значило, что все они были своими — людьми, которых Мужун Е приставил охранять его.

Су Чи примерно понял своё нынешнее положение: Мужун Е не чувствовал себя в безопасности, даже когда он находился в собственных покоях. Помимо собственнического инстинкта Мужун Е, это также говорило о том, что кто-то всё ещё выжидает удобного момента и норовит нанести удар. Именно поэтому Мужун Е так тревожился и приказал следить за ним каждую минуту.

Кто же это мог быть?

Су Чи задумался, и в памяти всплыл лишь один человек, подходящий под это описание.

Су Юань.

Третий принц, он же нынешний император.

Похоже, Су Юань всё еще не доверял ему. Су Чи, держа за ниточку маленького воздушного змея, рассеянно думал о том, когда же наконец закончится этот спектакль с дурачеством. Если Су Юань продолжал тайком следить за ним, ему ни в коем случае нельзя было проколоться, иначе он доставит Мужун Е лишние хлопоты.

Осенний ветер то и дело налетав порывами, и Су Чи намеренно отпустил нить — воздушный змей тут же взмыл ввысь и улетел далеко по ветру. Су Чи тут же изобразил глубокую скорбь из-за потери игрушки, заплакал и сказал Цю Шуан:

— Ой-ой-ой, мой змей улетел!

Цю Шуан очень пожалела его, опустила на колени и мягко произнесла:

— Ваше Высочество, не плачьте, служанка сейчас же велит принести другого. У меня здесь есть пирожное с цветками груши, отведайте, Ваше Высочество, очень вкусно.

Получив пирожное с цветками груши, Су Чи тут же перестал плакать. Сквозь слёзы на его лице проступила улыбка, и он по-дурацки улыбнулся Цю Шуан. Скрывавшийся в тени теневой стражник, увидев эту сцену, всё понял: всё было как и прежде. Хотя сегодня тот и сказал чуть больше обычного, с первого же взгляда было очевидно, что это круглый дурак. Теневой стражник потерял всякий интерес к дальнейшему наблюдению, поднялся с места, покинул резиденцию канцлера и вернулся в Императорский дворец докладывать императору.

Цю Шуан слегка опустила ресницы, заметив движение теневого стражника. Убедившись, что тот ушел, она словно невзначай встретила взглядом с Су Чи. Су Чи как раз стоял спиной к стражникам, но при этом подмигнул Цю Шуан.

Только что, беря пирожное с цветками груши, он задел руку Цю Шуан и вывел на её ладони два иероглифа.

Здесь чужак.

В тот момент Цю Шуан изо всех сил сдержала охватившее её волнение, чтобы от переполнявшей радости не раскрошить пирожное в пальцах.

Прекрасно.

Его Высочество восстановил рассудок, и они даже не заметили этого! Цю Шуан старательно подавляла внутреннее ликование, чтобы держаться абсолютно естественно и не выдать себя ни малейшим признаком.

Цю Шуан протянула Су Чи пирожное с цветками груши и произнесла:

— Ваше Высочество, это ваше любимое пирожное с цветками груши.

Ваше Высочество, это ваше любимое пирожное с цветками груши, служанка всегда помнила об этом.

На самом деле, решаясь рассказать Цю Шуан о том, что к нему вернулась память, Су Чи немного сомневался. Но, увидев предложенное Цю Шуан пирожное, он окончательно укрепился в своём решении.

Су Чи прекрасно понимал, что собственными силами ему не удастся скрыться от слежки стражников канцлера и теневых агентов Су Юаня, поэтому ему требовалась чья-то помощь, и Цю Шуан подходила на эту роль лучше всех.

Цю Шуан и так знала об истории с подменой лекарства. Действие бесчувственного порошка было гораздо мягче, чем у Сыгуйинь, и то, что за три года он восстановился без противоядия, выглядело вполне правдоподобно. Благодаря этому можно было скрыть тот факт, что Су Чи воспользовался золотым пальцем Системы.

К тому же Су Чи был уверен, что Цю Шуан меньше всех способна его предать — это доказывал тот факт, что она три года помнила про пирожные с цветками груши. Поэтому он решил довериться ей и намеренно вывел на её ладони словосочетание «здесь чужак», чтобы дать ей понять: его память вернулась.

Су Чи принял протянутое пирожное, открыл рот и принялся есть, попутно делая вид, будто вытирает несуществующие слёзы — так, словно горе от потери воздушного змея моментально испарилось благодаря одному лишь кусочку лакомства.

Конечно же, Су Чи вышел вовсе не для того, чтобы запускать змея. Он уже обошёл почти всю округу и составил довольно чёткое представление о своём текущем положении.

Побег по собственной инициативе исключался. Если Су Юань узнает, что он снова в полном рассудке, то непременно прикончит его, после чего пострадает и Мужун Е, которого обвинят в государственной измене. Су Чи не мог рисковать.

Стоит ли говорить Мужун Е, что он выздоровел?

Су Чи немного колебался.

Главная проблема заключалась в том, что до недавнего времени он не знал, является ли Мужун Е заикленным яндере. Узнав об этом, Су Чи всё время сидел как на иголках, опасаясь, что Мужун Е, потеряв рассудок от ревности, решит утащить его на тот свет вместе с собой. Тогда все усилия в первом же мире пошли бы прахом.

Нет, так нельзя. Уровень симпатии уже поднялся до девяноста, осталось всего десять пунктов, бросать всё наотрез запрещено.

Хотя, по правде говоря, эти девяносто единиц симпатии достались ему как-то странно... то есть, в общем-то, совершенно непонятно за что.

Су Чи всё ещё сидел в кресле. Тем временем служанка принесла нового воздушного змея. Сделав вид, что ужасно устал от игры, Су Чи взял его в руки и принялся задумчиво разглядывать, даже не пытаясь запустить в небо.

Он рассматривал змея чисто от скуки, но никак не ожидал, что эта проверка принесет столь важные результаты.

Су Чи тут же прикрыл рукавом светлые чернильные знаки, выведенные на змее едва заметным водяным розовым пигментом, окликнул служанку, которая только что принесла игрушку и собиралась удалиться, и громко заявил Цю Шуан:

— Она сломала моего змея! Заставь её заплатить!

Цю Шуан бросила на Су Чи взгляд, уловила скрытый смысл в его глазах и бесстрастно кивнула. Пусть она и не понимала, с чего вдруг Су Чи вздумалось привязываться к служанке, ей достаточно было просто подыграть ему.

При окрике служанка испуганно вздрогнула плечами, выглядя так, будто совершила ужасную ошибку и страшно боялась наказания. По приказу Цю Шуан она повернулась к ним лицом, но опустила голову так низко, что густая чёлка почти полностью скрывала её черты. Лишь смутно угадывалось, что на щеке этой женщины тянется длинный шрам — судя по всему, именно поэтому она прятала лицо за волосами, не смея показаться людям на глаза.

Су Чи надул губы, и по его жалобному голосу было слышно, до чего же он обижен. Он принялся кричать на Цю Шуан и служанку:

— Вы опять сломали моего змея! Верните мне такого же!

С этими словами Су Чи нарочно поднял повыше воздушный змей: прикрывая движение рукавом, он только что украдкой оторвал уголок, на котором были написаны слова.

Один угол змея отсутствовал, так что взлететь он, разумеется, уже не мог. Виновницей была эта служанка, и Су Чи требовал с неё ответа.

Цю Шуан выглядела так, будто её утомил детский каприз Су Чи, и ласково спросила его:

— И как же Ваше Высочество желает наказать эту служанку?

Что мог придумать человек с разумом ребенка? Раз уж служанка сломала игрушку, логично потребовать, чтобы она сделала новую взамен.

— У меня в комнате есть бумага, чтобы делать воздушных змеев! Я хочу, чтобы ты сама

сделала мне нового своими руками!

Однако в покои Су Чи и Мужун Е нельзя было входить кому попало. Во всей резиденции канцлера охрана там была сильнее всего, туда не смели соваться даже теневые агенты Су Юаня. Разумеется, стражники не осмелились бы пропустить какую-то служанку внутрь, поэтому один из них шагнул вперед, пытаясь уладить проблему.

Су Чи свирепо уставился на него и свирепо бросил:

— Вы что, тоже хотите сломать моего змея?! Я велю А-Е выгнать вас всех!

Стражники тут же поспешили отступить, не смея больше предпринимать никаких действий.

Лишиться места по воле Мужун Е было еще полбеды, но если разозлить Су Чи, наказание от Мужуна Е явно не ограничится простым увольнением.

<http://bllate.org/book/22191/2312644>